

предложил вновь проследовать в округа для проведения агитационной работы³⁹⁴. «Я отказался выехать в станицы, – пишет Рябышев, – считая, что в тех условиях надо было защищать Советскую власть, прежде всего оружием. Дмитриев, Нефёдов и я обратились в Военно-революционный комитет с настоятельной просьбой организовать из политкурсантов отряд, вооружить его и направить в станицы. Вскоре такой отряд был создан. В него вошли 103 человека, все члены партии большевиков.

Отряд вооружили винтовками, пулемётами, назвали его «Революционным агитационным отрядом словом и делом». Командиром отряда избрали меня. Через некоторое время мне пришлось отказаться от этой должности, так как не имел достаточного военного образования. Командиром отряда избрали Пономарёва, казака Романовской станицы, меня же – членом отрядного совета».

Бойцы отряда присутствовали на заседаниях съезда Советов в качестве «гостей». Делегатам давалось понять, что Советов в Ростове есть кому защитить. После съезда отряд направили в Новочеркасск. Допускать там длительное пребывание «революционных матросов», занявших город, власть по понятным соображениям не желала. Какая-либо крупная экспроприация могла спровоцировать массовое выступление, которого старались избежать³⁹⁵. Замена анархистов отрядом казаков представлялась, да и была таковой в действительности, не худшим вариантом.

В городе отряд обеспечивал порядок. Вплоть до эвакуации

³⁹⁴ Удивительно, но Френкель, впрочем, как и другие руководящие работники, просто не представляли, в какой степени распространилось недовольство. В том, что время агитации прошло, он вскоре убедился на собственном опыте, и едва не поплатился за свою беспечность головой.

³⁹⁵ Любопытное объяснение передислокации отряда из Ростова в Новочеркасск приводит Рябышев. «...контрреволюционные элементы, – пишет он, – организовали в Новочеркасске провокационные вылазки, заставили офицерских жён под видом работниц собираться толпами на улицах и требовать хлеба, мануфактуры, выкрикивать антисоветские лозунги».

Без сомнения, в собирающихся толпах работниц в любом случае было во много раз больше, чем офицерских жён, и слова Рябышева свидетельствуют скорее не о происках «контрреволюционных элементов», а о катастрофическом состоянии, в котором находилось хозяйство Дона.

казаки-агитаторы проводили разъяснительную работу, патрулировали улицы и осуществляли охрану советских учреждений.

8.7. I СЪЕЗД СОВЕТОВ ДОНСКОЙ ОБЛАСТИ

25 марта (7 апреля) за сутки до предполагаемого открытия съезда в Ростов прибыл Г.К. Орджоникидзе. Мало кто на Дону знал Серго. До этого он заезжал в Ростов лишь раз летом 1911 г. в качестве «агента ЦК для организационной работы» и пробыл в городе два дня. Статус Орджоникидзе определялся не широкой известностью, а тем, что он в своём лице представляет Совнарком и большевистский ЦК.

Как и левые эсеры, Ленин придавал предстоящему съезду особое значение. На нём, как представлялось, мог решиться вопрос о дальнейших взаимоотношениях с подошедшими с Украины немцами. С первоочередной задачей, не допустить возобновления военных действий, и прибыл в Ростов Орджоникидзе.

Видимо, вопрос о том, какими официальными полномочиями он, собственно, располагает, кое у кого всё-таки возник. В связи с этим 29 марта (11 апреля), когда дискуссия о ратификации Брестского мира была уже в самом разгаре, СНК издал вдогонку соответствующий декрет³⁹⁶.

³⁹⁶ В декрете СНК, опубликованном 31 марта (13 апреля) в № 73 «Известий Всероссийского ЦИК Советов», было прописано следующее: «Чрезвычайному Комиссару Совета Народных Комиссаров (тов. С. Орджоникидзе) поручается организовать под своим председательством Временный Чрезвычайный Комиссариат Южного района, объединяющий деятельность Крыма, Донской области, Терской области, Черноморской губернии, Черноморского флота и всего Северного Кавказа до Баку.

Цель Комиссариата: неуклонное проведение директив Центральной Советской власти на суше и на море, концентрированная борьба с буржуазной контрреволюцией, упрочение Советской власти в районе его деятельности, поддержание прямой связи областей с Советом Народных Комиссаров.

Г.К. Орджоникидзе

С вечера 26 марта (8 апреля) делегаты начали съезжаться к зданию Ростовского общества приказчиков на Большой Садовой³⁹⁷. По свидетельству очевидцев к 20 часам собралось не менее 500 человек, и вместительный зал был переполнен настолько, что многим приходилось стоять³⁹⁸. Организационные вопросы, как и всегда, затянулись, и президиум Областного ВРК открыл собрание с некоторым запозданием.

Очевидно было, что времени для работы в этот день оставалось немного, и председатель СНК Ф.Г. Подтёлков предложил официальное открытие перенести на следующий день, а собрание считать частным. Оставшиеся часы предполагалось при этом посвятить ознакомлению делегатов со сложившейся обстановкой и решению технических вопросов – утверждение регламента Съезда³⁹⁹, состав секций и т.д. Уже стемнело, и вполне разумное предложение было принято без прений.

Доклад о текущем моменте делал С.И. Сырцов. Смысл его выступления сводился к тому, что Донская область, оторванная «калединством» от Центральной России, лишь теперь пережи-

---

Чрезвычайный Комиссариат составляется из председателя и из представителей областей и флота по одному от каждой, по соглашению между полномочными органами областей и председателем Комиссариата.

Чрезвычайный Комиссариат имеет право контроля над деятельностью всех Советских учреждений в районе. Советы Комиссаров, Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов, Революционные Комитеты, революционные Штабы района, как и полномочный орган флота, действуют в полном контакте с Чрезвычайным Комиссариатом, как представителем Центральной Советской власти в районе».

³⁹⁷ Ныне помещение Ростовского театра музыкальной комедии.

³⁹⁸ Любопытно, что в последующие дни работы съезда, зарегистрированных делегатов, не говоря уже о приглашённых, было много больше. Остаётся предположить, что на заседаниях присутствовали не все.

³⁹⁹ Предполагаемая повестка съезда была предложена Областным ВРК ещё 7(20) марта и включала в себя следующие вопросы:

1. Отчёт Донского областного военно-революционного комитета.
2. Текущий момент.
3. Доклады комиссий.
4. Организация власти на Дону и выборы в ЦИК.

Но свои коррективы, заставившие Съезд всё почти внимание уделить обсуждению Брестского мира, внесло непрекращающееся продвижение немцев к границам Области.

вает и февраль, и октябрь 1917 г. И это «в чрезвычайной степени усложняет работу съезда и делает её очень ответственной».

К достижениям ВРК докладчик отнёс передачу земли крестьянам, постепенное разрушение старой системы управления, введение рабочего контроля и национализацию крупных предприятий и банков.

Далее Сырцов заявил, что внутренняя реакция сломлена и окончательно ликвидирована. Но борьба не закончена, так как «на помощь нашей буржуазии, нашей контрреволюции, спешат империалисты – захватчики других стран». Советская власть «тяжёлыми экономическими условиями» была вынуждена заключить мир с австро-германцами, и, в силу предательской политики Рады, подвергается в настоящий момент величайшей опасности.

В заключение докладчик подчеркнул, что «только дружной планомерной борьбой, только укреплением власти Советов на местах, можем мы спасти наши завоевания от покушения международного капитала».

Как видно, доклад получился весьма обтекаемым. Какие формы должна была принять «борьба», Сырцов не обозначил. О начавшихся выступлениях в станицах не упомянул. Всё сказанное касалось делегатов весьма опосредованно.

Вслед за ним о событиях в Новочеркасске проинформировал собравшихся товарищ председателя И.А. Ермилов. Его выступление слушали с куда большим вниманием. Сразу установилась полная тишина. И это лишний раз свидетельствует: несмотря на реальную угрозу германского вторжения, «внутренние дела» волновали делегатов ничуть не меньше.

Ермилов напомнил, что «по соображениям целесообразности и пользы дела» Областной ВРК перебрался из Новочеркасска в Ростов, «где было больше товарищей, которых можно было привлечь к советской работе, на которую требовалось много людей». И, делал вывод докладчик, этот отъезд «повёл к тому, что в Новочеркасске реакция подняла голову, местные военные стали проявлять совершенно недопустимые тенденции».

– Офицеры-партизаны Каледина, – говорил Ермилов, – стали выпускаться без разрешения Областного Военно-Революционного Комитета, а Богаевский, – товарищ атамана Донской области Каледина, сдавшийся в плен советским войскам, получил возможность, уходя с гауптвахты, где он содержался арестованным – выступать на митингах с длиннейшими речами.

В этих речах Богаевский, как человек умелый и хитрый, не выступая прямо против Советской власти, тем не менее вёл свою политику критики Советской власти, долженствующую повести к умалению её значения.

Пособниками Богаевского в этих его началах, к величайшему удивлению, оказался и Голубов, войсковой старшина, бывший до сих пор на стороне советских войск, и сам начальник их товарищ Смирнов. На этих собраниях, где выступал Богаевский, жестокой критике подверглась деятельность Областного комитета.

Когда Областной комитет, с целью ликвидировать это, отдал приказ доставить Богаевского в Ростов, то военные власти Новочеркасска не выполнили этого приказа и Областному комитету пришлось делегировать в Новочеркасск специальную комиссию из 5 лиц для выяснения дела и мирного улаживания инцидента⁴⁰⁰.

Тут же взял слово Подтёлков и выступил с разъяснениями. Он уточнил, что «Новочеркасский гарнизон по отношению ко всему происходящему в Новочеркасске раскололся, и только малая его часть идёт за Голубовым и Смирновым, большая же часть стоит на почве Советской власти и идёт за Областной Военно-Революционный Комитет».

О, по-видимому, решённой уже посылке отряда матросов в город Подтёлков не сказал ни слова. Арестовать Голубова, Смирнова и Богаевского предполагалось без санкции съезда. Впрочем, следует учитывать, что сообщив об этом, Подтёлков ставил бы под сомнение успех всей операции.

Глубокой ночью делегаты решили организационные вопро-

⁴⁰⁰ Каких-либо сведений о деятельности указанной комиссии обнаружить не удалось. Вероятно, она свелась к сбору разведанных.

сы и подтвердили, что официальное открытие съезда назначается на 3 часа дня 27 марта (9 апреля).

На следующий день заседание началось с доклада мандатной комиссии. Было заявлено, что прибыло 656 делегатов с решающим голосом и 103 с совещательным⁴⁰¹, всего 759 человек⁴⁰². Данных о социальной принадлежности делегатов не сохранилось, но не приходится сомневаться, что в большинстве своём они были казаками. Открыл Съезд Подтёлков, закончив краткую вступительную речь словами: «Да здравствует власть Советов!» Оркестр играл «Марсельезу», делегаты встали. Многие кричали «ура».

Приступили к выбору председателя Съезда. Кандидатура была предложена одна – казака Донецкого округа, члена партии большевиков с 1905 г. В.С. Ковалёва. И на этот раз обе советские партии были единодушны. Впрочем, и спорить было не о чем. За многие годы революционной деятельности Ковалёв успел зарекомендовать себя ровным, неконфликтным работником. К тому же, это был достаточно образованный человек, но в то же время, как считалось, амбиции его не простирались далее разумного предела.

В.С. Ковалёв

Избрали и почётных председателей. По традиции ими стали В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, Б.Д. Камков, М.А. Спиридонова, Карл Либкнехт и Фридрих-Адлер⁴⁰³. Вслед за этим был сформиро-

⁴⁰¹ Весьма вероятно, речь идёт об агитаторах «Революционного агитационного отряда».

⁴⁰² Многие не успели добраться из округов в Ростов, и продолжали прибывать. К концу работы съезда количество зарегистрированных делегатов достигло 838 человек: 713 с решающим голосом и 125 – с совещательным.

Также в работе съезда приняли участие делегации от ЦИК Ук (большевики Н.А. Скрыпник, Ю.М. Коцюбинский, левый эсер Врублевский), Армении и Кубани.

Из Таганрога прибыли лидеры левых эсеров – Б.Д. Камков, В.А. Карелин, И.З. Штейнберг, Я.М. Фишман.

⁴⁰³ Уже с середины 30-х советские источники упоминали в этой связи

ван и действующий президиум съезда. По списку большевиков были избраны 11 человек⁴⁰⁴, за которых было подано 308 голосов, и от левых эсеров – 9⁴⁰⁵ (за них проголосовало 285 делегатов). Как видно, делегаты съезда в своих симпатиях разбились почти поровну, что и предопределило развернувшуюся вскоре острую политическую борьбу.

С приветствием съезду от Областного ВРК выступил Подтёлков⁴⁰⁶, от СНК и ВЦИК – Орджоникидзе. Затем о проделан-

только Владимира Ильича (какое-то время в списке фигурировал Либкнехт, но вскоре исчезла и его фамилия). И это объяснимо. Если бы съезд в качестве почётного председателя избрал одного лишь Ленина, это свидетельствовало о безоговорочной поддержке казачьим населением не столько даже Советской власти, сколько партии большевиков.

Развёрнутый же список говорил о влиянии левых социалистов-революционеров, но также и о том, что делегатам, большинство из которых о существовании того же Фридриха-Адлера до съезда не догадывались, было в общем-то безразлично, кто будет избран почётным председателем.

⁴⁰⁴ В.С. Ковалёв – председатель, С.И. Сырцов, Сенькевич, М.Е. Власов, Зеленский, И.А. Ермилов, С.С. Турло, Крылов, Рожанский, П.П. Жук, Богуславский.

⁴⁰⁵ Дмитров, В.А. Карелин, Жирнов, Глазков, И.З. Штейнберг, М.В. Кривошлыков, А. Иванов, Кулаков, Герасименко.

Многие источники упоминают в составе президиума также Ф.Г. Подтёлкова (левый эсер) и Г.К. Орджоникидзе (большевик). Вероятно, они, не избираясь, находились в президиуме, изначально как лица, наделённые особыми полномочиями.

⁴⁰⁶ «Отцы и товарищи, – несколько сбивчиво говорил Подтёлков, – я приветствую вас от имени областного Военно-революционного комитета с благополучным прибытием на съезд. Веками трудовой народ боролся со своей нуждой и угнетением. Братоубийственная трёхлетняя народная война спаяла трудовой народ в одно целое, чтобы свергнуть иго царизма и освободиться от угнетения и рабства. Народ освободился. Тогда буржуазия начала опять натравлять одну часть трудового народа на другую, чтобы снова захватить власть в свои руки. Но это ей не удалось. Трудовое казачество и крестьянство ответило предателям, что мы друг на друга не пойдём и уничтожать себя не будем.

Мы, казаки-фронтовики, написали сюда на Дон, чтобы наши братья и отцы не шли по призывам Каледина на бойню против своего же народа. Наш призыв увенчался успехом. Авантюра Каледина не удалась. Трудовой народ победил, и теперь здесь на съезде я вижу только трудовой народ, который собрался сюда решать свою судьбу. Среди нас нет тех, которые прежде решали за нас нашу судьбу.

Товарищи, я призываю вас к единению, и тогда Донская республика с честью и славой выйдет из своего критического положения и победит вконец буржуазию и всех врагов Советской власти».

ной Донревкомом работе доложил съезду Подтёлков. В конце доклада он сообщил, что «для подавления восстания» в Новочеркасск из Ростова посланы войска. Сразу же вслед за ним на трибуну поднялся Кривошлыков. Видимо, были получены последние известия, и он смог сообщить подробности занятия города. Суть их сводилась к тому, что советские отряды вступили в Новочеркасск без боя, 10-й и 27-й Донские, а также, и иные полки против Советской власти не выступили, начался арест контрреволюционеров, арест же Богаевского «обеспечен».

«Сообщение покрывается громом аплодисментов, – писали «Известия Областного Исполкома⁴⁰⁷», – и Обл. ком. выражает собранию благодарность.

Затем съезд разбивается на секции и приступает к деловой работе.

Общее впечатление от Обл. съезда таково: съезд будет, безусловно, деловым и сможет выполнить возложенную на него работу. То, что реакция ещё не сломлена в Донском округе, поведёт к тому, что спаяет делегатов друг с другом и сольёт их в дружной совместной работе по укреплению на Дону Советской власти. На это можно надеяться из того, как единодушным протестом встречаются все сообщения о покушениях на Советскую власть, со стороны кого бы они ни исходили».

Столь же оптимистичным был и доклад Орджоникидзе. Вечером 28 марта (10 апреля) в разговоре по прямому проводу он сообщал Сталину: «Отряд, посланный в Новочеркасск, вошёл в город без сопротивления казаков и занял все правительственные учреждения. Производится арест контрреволюционных офицеров.

Сегодня в 3 часа Богаевский доставлен в ростовскую тюрьму, Смирнов и Голубов бежали. По слухам, Смирнов уже арестован. Положение в городе ничего, *хотя банда анархистов бушует*.

Вчера открылся съезд. Присутствуют все 750 делегатов. Председателем избран единогласно т. Ковалёв, казак-большевик. В президиум вошло 11 наших и 9 левых эсеров. Почётными председателями избраны Ленин и Либкнехт.

⁴⁰⁷ № 27 от 4(17) апреля 1918 г.

Я приветствовал съезд от имени Совнаркома и ЦИК. Сегодня на фракционном заседании почти единогласно была отвергнута точка зрения наших левых коммунаров, защищаемая здесь Сырцовым. Завтра будет обсуждаться текущий момент.

Съезд объявил себя верховной властью на Дону.

Съезд протекает при необыкновенном подъёме».

Но всё было далеко не столь гладко и безоблачно, как представляли, или хотели представлять советские руководители. Иллюзии рассеялись в несколько дней, от изначального благодушия и успокоенности вскоре не осталось и следа.

С утра 27 марта (10 апреля) начались фракционные совещания. И если левые эсеры без особых возражений выработали консолидированную позицию и готовы были выступить единым фронтом, то среди «ленинцев» наметился разлад.

Вопрос в повестке дня стоял один – отношение к Брестскому миру. Г.К. Орджоникидзе, как представитель Совнаркома и, что куда важнее, ЦК РКП(б), настаивал, чтобы все делегаты-большевики согласованно и без оговорок голосовали за его ратификацию. Но предложение представителя Совнаркома неожиданно встретило возражения.

Инициатором их был С.И. Сырцов. Его аргументы сводились к тому, что безоговорочное признание мира лишь «расхолодит массы» и сделает отпор вторжению немцев невозможным. Приводил он и такой довод: необходимо «своим призывом к организации защиты Красного Дона разрушить в глазах масс легенду о связи большевиков с немцами и доказать обратное своим стремлением воевать с иноземным нашествием». В этом, конечно, был свой резон, но интерес казачества к взаимоотношениям Совнаркома с Германским правительством отступал на второй план и не имел уже решающего значения.

В целом же выступление Сырцова отражало позицию группы коммунистов, получивших руководящие должности во властных структурах. В том, что немцы остановятся перед границами Области, уверенности не было никакой. И на этот случай «наши левые коммунары» хотели бы иметь хоть что-то осязаемое, хоть какие-то вооружённые силы, способные ока-

зать противодействие. Сторонники Сырцова остались на фракционном совещании в меньшинстве. Их предложение было отвергнуто.

28 марта (11 апреля) на очередном заседании развернулась острейшая дискуссия, отражающая различное отношение двух советских партий к подписанному миру с немцами. Позицию большевиков отстаивал С.С. Турло. Призвав делегатов поддерживать Брестский мир, он привёл простые, очевидные для всех доводы. «Наша революционная армия ещё не готова, – говорил Турло. – Сражаться нам не с чем. Для создания армии нужно время. Мы должны укрепить у себя Советскую власть, организовать прочную, сильную и крепкую революционную армию... нужно показать народу пользу Советской власти, чтобы он понял, что лучше жить при Советской власти, нужно, чтобы он это увидел в самой жизни, ощутив благотворные результаты власти трудового народа. Тогда он поймёт, что он сам хозяин своей страны. И когда он это поймёт, тогда пойдёт самоотверженно в социалистическую армию».

По адресу левых эсеров Турло заявил следующее: «...всем им очень ясно, что у нас совсем нет сил, им хотелось бы толкнуть нас в эту новую войну, послать наши маленькие неорганизованные отряды против вооружённого врага...»

Далее с содокладом от партии левых социалистов-революционеров выступал Б.Д. Камков. «В революции передышки никогда не бывает, иначе она умирает», – таков был основной посыл его речи. По поводу подписанных договорённостей он высказался в том смысле, что немцы, пренебрегая ими, продолжают продвигаться в глубь страны, и где остановятся – неизвестно. «Мы подписали мир, – говорил он, – а германцы ведут с нами войну и именно там, где им выгодно, на юге. Что же у нас теперь, мир или война?..»

Слово взял Г.К. Орджоникидзе. «У нас плохой, скверный, но всё-таки мир! – ответил он. – Левые эсеры своими призывами хотят нас погубить... Камков в своей речи доказывал, что Брестский мир никуда не годится. Я вполне согласен с ним, но я хотел бы знать, что бы Камков и Карелин ответили нам, где у них пол-

ки, оружие батареи и в каком положении у нас находится транспорт. Ведь у нас нет реальной силы, нет войска. Сказать, что мы будем вести войну с международными капиталистами, помещиками, буржуазией – это легко. Но для ведения войны нужны пушки, пулемёты, войска, фураж, а всего этого у нас нет. Когда мы сорганизуем новую социалистическую армию, отдохнём, мы дадим отпор мировой буржуазии, грабителям-капиталистам...»

В поддержку Брестского мира высказался и В.С. Ковалёв. Он подчеркнул, что подписание его – единственно правильное решение вопроса о выходе России из империалистической войны. А левые эсеры «нас зовут на войну, на смерть. Но зачем же напрасно умирать, когда можно жить и устраивать лучшую, социалистическую жизнь. Размахивать картонным мечом не следует. Донская область пойдёт умирать только тогда, когда вооружится до зубов. Но тогда мы будем не умирать, а побеждать...»

На трибуну поднялся меньшевик Гроссман. Его выступление явилось для делегатов полной неожиданностью. И не столько даже по содержанию. Казалось бы, идейно и организационно разгромленная партия меньшевиков сумела напомнить о своём существовании. Гроссман заявил, что приход Советов ведёт Россию к гибели. И предложил съезду не признавать Брестский договор и передать власть краевому учредительному собранию. Последние его слова были прерваны свистом и возмущёнными возгласами делегатов. Гроссману так и не дали договорить.

Обозначили своё отношение и представители округов. Хохлачёв – от Сальского округа⁴⁰⁸, Петрушенко – от Ростовского, В.Ф. Ларин – от Черкасского выступили за Брестский мир, делегаты Хопёрского и 2-го Донского округов, наиболее удалённых от западной границы Области, – против.

К обсуждению было предложено три резолюции:

– большевиков⁴⁰⁹;

⁴⁰⁸ «Наш съезд на первом заседании, – пояснял он, – признал Советскую власть и, следовательно, должен признать Брестский мир, который заключила Советская власть».

⁴⁰⁹ «Первый Съезд Советов Донской Республики, – было прописано в резолюции, – присоединяется и одобряет мирную политику Совета Народных ко-

– левых эсеров⁴¹⁰;

миссаров, рассматривает Донскую Республику, как часть РСФСР, считает для себя Брестский мирный договор обязательным. Революция на Дону, свергнув власть помещиков и генералов, поставила у власти трудовые элементы, сплотившиеся в своей борьбе вокруг рабочего класса. Свержение режима казацких генералов является лишь началом победы революционного союза рабочих, беднейших крестьян и трудового казачества. Для полного торжества Советского Правительства необходимо победоносно закончить разрастающуюся на Дону борьбу с кулацкими элементами казачества. Главной задачей Рабоче-Крестьянского Правительства в данный момент является создание Революционной Советской армии и привлечение всех сил к борьбе с хозяйственной разрухой. Советская Власть должна быть готова к тому, что империализм всех стран не остановится перед новым нападением на неё и ни одна минута не должна пропасть даром.

Съезд заявляет перед всем миром, что, признавая Брестский мирный договор, трудовое казачество, крестьяне и рабочие не остановятся ни перед чем для защиты границ РСФСР Донской Республики и все, как один, с оружием в руках встанут, в случае вторжения в пределы Донской Республики чужеземных войск. Необходимо в данный момент напряжение всех сил и всей энергии. Необходима самая энергичная работа в налаживании народного хозяйства и в воссоздании на развалинах капиталистического строя новой Социалистической России.

Съезд уверен, что нынешнее затишье на арене борьбы пролетариата с мирным капиталом – есть затишье перед бурей, что недалёк уже тот момент, когда на помощь пролетариату России придут трудящиеся всего мира.

Съезд приветствует грядущую победоносную мировую социалистическую революцию».

⁴¹⁰ В ней, в частности, говорилось: «...Только Октябрьский переворот, поставивший у власти рабочих и крестьян, открыл для революционной демократии возможность честного и демократического ведения мирных переговоров».

В течение трёх месяцев делегаты Российской Советской Республики в Бресте защищали программу мира революции, разоблачали хищнические планы германских империалистов, будя революционную совесть и классовое самосознание мировой демократии. И когда в ответ на ультимативные условия германских дипломатов Российская делегация 10-го февраля заявила, что она грабительского мира не подпишет, но в то же время войну прекращает бесповоротно, она действовала в полном согласии с духом и интересами Российского трудового народа.

Однако слабость революционных сил в среде трудящихся классов Германии и Австрии дала возможность империалистам этих стран двинуть на Российскую Республику покорные им полки. Наступление этих войск на Двинск и Псков вызвало замешательство в рядах трудовой демократии и заставило её подписать мир, продиктованный бронированным кулаком германского империализма.

Германский мир отрезает от Советской России целые области, населённые сознательными революционными массами рабочих и крестьян, отдаёт в

политическое и экономическое рабство народы Украины, Финляндии, Польши, Литвы, Лифляндии, Курляндии, Эстляндии, Бессарабии и Кавказа.

Германский мир отнимает у Советской России питающие её материальные корни и средства, отдавая на потребу Австро-Германского капитала железо, уголь, хлеб и сырьё Рабочей и Крестьянской России, усиливая этим самым завоевательные планы Германской буржуазии.

Германский мир, обезоруживая Советскую власть и отдавая её в полную зависимость от воли германских завоевателей, порывает связь, существующую между Российской демократией и движением международного пролетариата.

Германский мир, предоставляющий всю полноту хозяйских прав германскому купцу, помещику и капиталисту, ставит под удар все великие завоевания русской революции, добытые кровью трудового народа. Ни социализация земли, ни рабочий контроль над промышленностью, ни переход банков в руки народа, ни объявление недействительными займов – не смогут быть проведены в жизнь тогда, когда на пути этих реформ станут акции, права и домогательства германского, а стало быть, и всего мирового капитала.

Германский мир, подчинивший революционную Россию интересам иностранной буржуазии, тем самым вливает свежие силы в работу Российской буржуазии, облегчая ей переход к активной контрреволюционной борьбе.

Германский мир, наконец, открывший путь для давления германских капиталистов на Россию, делает её бессильной игрушкой в руках всякой иной хищнической державы.

Недели, следовавшие за подписанием германского мира, доказали, что Советская Россия всё больше и больше становится добычей жадного мирового империализма. Уже почти завоёвана до конца немецко-гайдамацкими бандами трудовая Украина, уже падает в бессильной борьбе красная Финляндия, уже протягивает свою руку на Дальнем Востоке англо-японский капитал и уже тени грабительского нашествия падают на вольный Дон.

При таких условиях, первый Донской Съезд Советов Рабочих, Крестьянских и Казачьих Депутатов заявляет, что трудовое казачество, трудовое крестьянство и рабочий класс Дона окажет самый решительный революционный отпор наступающим империалистам-завоевателям.

Приветствуя героическую борьбу за землю и волю украинских рабочих и крестьян, посылая свой братский привет мужественным партизанским отрядам, отстаивающим на севере России честь и достоинство Революции, Первый Донской Съезд заявляет, что трудящиеся Дона не оставят в одиночестве умирающих за дело народа товарищей в защиту завоеваний Революции. Съезд объявляет это священной обязанностью всякого казака, крестьянина и рабочего, в какой бы части Федеративной Советской Республики он не находился.

Война закончена, и трудовой народ не допустит возобновления войны. Не путём всеобщей мобилизации, не путём насильственной воинской повинности, а путём добровольного революционного порыва должны строиться ряды трудящихся Дона и всех частей России для своего классового восстания, для борьбы с капиталом внутренним и внешним.

Да здравствует всеобщий демократический мир.

Да здравствует Российская Федеративная Советская Республика».

– меньшевиков.

При ближайшем рассмотрении приходится склониться к тому, что первые две резолюции, по сути, мало чем отличались друг от друга. И та и другая, большевистская едва обозначая, левоэсеровская подробно и развёрнуто, критиковали Брестский мир. Большевистская декларация прямо говорила о безоговорочном признании Брестского мира. Но и левоэсеровская ни словом не упоминала об обратном. Наконец, обе декларации заявляли, что Дон должен готовиться к отпору, но о том, в какие организационные формы следует облечь эти приготовления, умалчивали.

Левые социалисты-революционеры попытались представить, какой может быть будущая война с немцами. Тут они оказывались в весьма щекотливом положении. В стране, только что пережившей многолетнюю бойню и отмобилизовавшей армию, заявлять о новой всеобщей мобилизации было невозможно. Отсюда и слова о том, что «война закончена, и народ не допустит новой», и «добровольный революционный порыв», как метод комплектования и формирования войск.

Всё же более выраженная приверженность левых эсеров к революционной фразе и заявление о том, что «священной обязанностью каждого казака» является необходимость стать рядом с «умирающими за дело трудового народа» и, весьма возможно, умереть вместе с ними, заставили делегатов призадуматься.

Красивые слова оставались словами. Воевать вновь тем более, погибать, мало кто желал. И то, что делегаты в округах избирались не по партийным спискам, сыграло лишь на руку большевикам. Значительная часть их в этих условиях руководствовались здравым смыслом, а не партийной принадлежностью. В итоге за большевистскую резолюцию проголосовало 348 делегатов, против – 106 при 42 воздержавшихся. Левых эсеров поддержали 126 человек, против – 336 и 41 воздержался. В пользу резолюции меньшевиков отдали свои голоса двое, пятеро воздержались, остальные были против.

Принятие съездом декларации, одобряющей Брестский

мир, стало, конечно, серьёзным достижением большевиков. Оно давало лишний козырь на предстоящих переговорах с немцами, и должно было предотвратить возобновление масштабных военных действий уже на территории Дона. А главное, безоговорочная победа над левыми эсерами была достигнута в аграрном районе, где их позиции были традиционно сильны. Что лишний раз подтверждало: в споре соперничающих советских партий определённый перевес оставался на стороне «ленинцев»⁴¹¹.

Но, если вдуматься, следует признать, что ратификация съездом мирного договора решающего значения не имела. Германская армия к маю уже не была в состоянии оккупировать значительную территорию. Почти все резервы и ресурсы были перенесены на запад, где в ближайшие месяцы должна была решиться судьба войны. Пределы оккупации опреде-

⁴¹¹ 29 марта (12 апреля) Орджоникидзе доложил в Кремль о принятии съездом приемлемой декларации, подчёркивая: «...казаки слишком боятся, как бы немцы не влезли на Дон».

На следующий день Ленин направил в адрес президиума следующую телеграмму:

«13/4 _____ 1918 г.

Ростов-на-Дону.

Председателю первого съезда Советов Донской Республики.

От всей души приветствую первый съезд Советов Донской Республики.

Особенно горячо присоединяюсь к словам резолюции о необходимости победоносно закончить разгорающуюся на Дону борьбу с кулацкими элементами казачества. В этих словах заключается самое верное определение задач революции. Именно такая борьба и по всей России стоит теперь на очереди.

Ленин».

Не устаёшь удивляться прозорливости этого человека. В то время, когда большинство соратников уверены были, что победа над внутренним врагом обеспечена, Владимир Ильич давал понять: борьба только начинается. И в первую очередь внутренними факторами будет обусловлен её исход. Не случайно о возможном вторжении немцев и принятой съездом декларации, одобряющей Брестский мир, в телеграмме не упоминалось.

Любопытно, что первоначально Ленин употребил термин «Донская Область» и лишь потом слово «Область» зачеркнул, и сверху написал «Республика». Следует признать, что до всего руки не доходили и у этого целиком отдающегося работе человека. О сложившейся на Дону к этому времени обстановке Владимир Ильич, как, впрочем, и многие другие, и не только в Совнарком, имел самое поверхностное представление. И готовую разразиться в скором времени катастрофу не предугадывал вовсе.

лялись теперь не дипломатическими договорённостями, а исключительно оперативной целесообразностью. Заняв намеченные рубежи, немцы дальше не пошли. Изменившаяся обстановка на Юге России позволила им перейти к новой тактике, ориентированной на поддержку вдруг возникшего нового союзника.

Последним аккордом этого дня явилось заранее подготовленное заявление группы донских большевиков, не согласных с выработанной линией. Во время дебатов они свою точку зрения не оглашали, но и за большевистскую резолюцию не голосовали. Когда же решение съездом было принято, С.И. Сырцов посчитал возможным и вовсе от неё отмежеваться. Была зачитана «своя» декларация, в которой о негативном отношении к Брестскому миру и о необходимости отпора говорилось прямо. Декларация «левых большевиков» не только смыкалась с позицией левых эсеров, но по форме была даже более предметной и резкой⁴¹². Она, ничего не меняя, в то же время свидетель-

⁴¹² «...Российская революция, – говорилось в ней, – на которую история возложила задачу впервые высоко поднять знамя социализма и вплотную подойти к социалистическим мероприятиям, встретила врагов не только в лице русской буржуазии, но и всей международной буржуазии.

Мировой хищник-капитал со всех сторон пытается сжать Советскую Россию.

С запада двигаются германские войска, с востока наносят удары английские и японские империалисты. Наступление мирового империализма, ставшее в настоящее время неопровержимым фактом, не оставляет место иллюзиям и не даёт пролетариату никакой возможности уклониться от задачи отпора международным захватчикам.

Выполнение условий мирного договора неизбежно ставит Российскую Советскую Власть не только перед угрозой физического уничтожения, но и в такое положение, в котором она уже вынуждена делать ряд уступок в своей внутренней политике.

Мы, группа делегатов Съезда Коммунистов-большевиков, глубоко убеждены, что иллюзия мира, в настоящее время не имеющая никакой почвы, иллюзия возможности перерыва в борьбе с международным капиталом, сеет в усталых пролетарских и полупролетарских массах дезорганизацию, угашает стремление к организации отпора, облегчает империалистам попытки к дальнейшему захвату во всех странах мира, ослабляет силы международной революции и укрепляет влияние буржуазии и соглашателей и их проповедь гражданского мира.

Молодая Донская Советская Республика в настоящий момент находится перед самой реальной угрозой нашествия германских войска.

Советская власть на Дону, с которой не справились русские контррево-

ствовала о намечавшемся среди большевиков Дона расколе.

На следующий день, 29 марта (12 апреля) делегаты приступили к обсуждению очередного пункта повестки – вопроса об организации власти Дона. Сразу развернулась острейшая дискуссия, которая заняла почти всё оставшееся время работы съезда. Большевиками, безусловно, неудовлетворёнными составом делегатов⁴¹³, был поднят вопрос о необходимости чистки местных Советов «от пролазившего туда офицерско-кулацко-чиновничьего элемента».

И здесь они натолкнулись на серьёзное противодействие. Если «ленинцы» в своей аграрной политике опирались на наиболее обездоленные, зачастую, маргинальные слои населения, то левым эсерам, становившимся в открытую оппозицию, волей-неволей приходилось ориентироваться на середняков. Но и казаки, в большинстве своём, насторожились. Они начинали понимать, что под предлогом чистки от участия в выборах можно было отстранить кого угодно.

Основные дебаты велись вокруг того, каким образом «конструировать» формируемый съездом Центральный Исполнительный Комитет – из какого числа делегатов он должен состоять, но главное, проводить ли голосование по партийному списку или же традиционно, по округам. Обсуждению этого вопроса делегаты посвятили значительную часть дня 30 мар-

---

люционеры, грозит пасть под соединёнными ударами германских банд и контрреволюционеров изнутри.

Задача упрочения Советской власти связана с организацией отпора разбойникам международного капитала.

Защита молодой Советской Республики в союзе с другими Южными Республиками – вот что настоятельно диктуется моментом и что, мы уверены, завтра будет понято всеми.

Подчиняясь партийной и фракционной дисциплине, мы, группа делегатов Съезда большевиков, воздержались при голосовании резолюции нашей фракции, но мы считали бы нарушением социалистического долга умолчание о своей позиции».

⁴¹³ «Нельзя сказать, – пишет И.П. Борисенко, – что большевики могли быть вполне спокойны за состав съезда, ибо делегаты выбирались на местах случайно, не по партийному признаку; в числе 713 делегатов были кулацкие элементы, которые по существу сочувствовали Новочеркасскому мятежу Смирнова и Голубова и в будущем активно выступали в лагере контрреволюции».

та (13 апреля). В итоге, было принято компромиссное решение: выбирать по округам, но по партийным спискам.

Как видно, съезд проходил в непрекращающейся острой борьбе между двумя соперничающими друг с другом советскими партиями. Неудивительно, что всё, что лежало вне плоскости этой борьбы, осталось и в стороне от внимания делегатов. События, связанные с разгоравшимся восстанием, грозившим принять массовый характер, практически не обсуждались.

30 марта (13 апреля) Подтёлков, делавший ежедневный короткий доклад, сообщил о брожении в Задонье. «Старики-казаки станиц Кагальницкой и Мечетинской, – говорил он, – подбиваемые офицерами и кулаками, хотят идти на Ростов и разогнать съезд». Каким бы не представлялся Подтёлков, сколь бы недостаточно подготовленным он не был, одно несомненно. Связи с казачеством, при всём, при том, он всё же не утратил. Коренной казак, изменение настроений в казачьей среде Подтёлков, едва ли ни единственный, уловил, скорее, почувствовал, сразу же.

Председатель Областного ревкома имел возможность переговорить с большим количеством делегатов с мест, и эти разговоры вселяли в него тревогу. Подтёлков помрачнел. Не предвещавшие ничего хорошего предчувствия завладели его мыслями. «Когда из округов, – в сердцах говорил он на съезде перед завершением его работы, – идут на нас, чтобы нас разогнать штыками и пулемётами, я вижу, что и здесь на съезде среди нас есть лица, которые доказывают своими глазами солидарность с этими бунтовщиками. Я заявляю, что мы, большевики и левые эсеры, не допустим, чтобы была погублена Советская власть. Знайте, что если мы сами погибнем, то погубим и всех вас...⁴¹⁴»

---

⁴¹⁴ «Не знал тогда Подтёлков, – пишет И.П. Борисенко, – что эти слова окажутся пророческими, и он действительно погибнет в далёких степях от рук участников съезда».

Слова Подтёлкова оказались действительно пророческими. И не только в отношении его собственной судьбы. Большинство делегатов съезда в самом скором времени выступили против Советов. А выставлявшиеся кандидатами в ЦИК по списку левых эсеров казаки Родин и Киевский приняли во вспыхнувшем противостоянии самое деятельное и вполне осознанное участие. Яков Родин, выборный от хутора Верхне-Дуленского, в числе других вынес

С утра 31 марта (14 апреля) делегаты должны были приступить к выборам Центрального Исполнительного Комитета. Но тут большевики внесли предложение о необходимости предоставления характеристики каждого кандидата. Левые эсеры были резко против. От их фракции выступал Карелин, который заявил, что делегаты «не нуждаются в рекламировании». Предложение «ленинцев» было забаллотировано. За него отдали свои голоса 218 человек, против – 312.

Членов ЦИК выбирали по общим партийным спискам. Под № 1 был представлен список левых эсеров, № 2 достался большевикам. Голоса делегатов разделились почти поровну: левые эсеры получили 271 голос, «ленинцы» – 284. Соответственно, в Донской ЦИК проведены были 24 левых эсера и 26 большевиков⁴¹⁵. В президиум ЦИК вошло 3 большевика (В.С. Ковалёв – председатель, Г.К. Орджоникидзе и Александров) и 2 левых эсера (Чесняк и Дмитриев). Как видно почти поровну распределялось в Области и влияние двух советских партий⁴¹⁶.

После избрания ЦИК делегаты должны были разойтись по секциям и приступить к рассмотрению конкретных вопросов «советского строительства»⁴¹⁷. Но тут пришло сообщение, что

постановление о казни участников захваченной Подтёлковской экспедиции. Киевский уже летом стрелял с чердака своего дома в спину уходившим из Великокняжеской советским отрядам.

⁴¹⁵ В их числе левые эсеры – Ф.Г. Подтёлков, М.В. Кривошлыков, А. Иванов, Б.Д. Камков и др. Большевики – В.С. Ковалёв – председатель ЦИК, И.А. Дорошев, С.И. Сырцов, Александров, И.А. Ермилов, М.Е. Власов, Г.К. Орджоникидзе, М. Ермилов, Креушов, С.С. Турло, Бродский, Изварин, Ксендз, В.И. Федорцев, И.А. Лагутин, Крылов, Башкевич, А.Т. Фролов, П.П. Жук, Богуславский, С.И. Кудинов, Краснолюбов, В.Ф. Ларин, Кизгила, П.Е. Безруких, Е.А. Болотин.

⁴¹⁶ «Если проследить соотношение по всем голосованиям на съезде, – комментирует итоги выборов И.П. Борисенко, – то, исключая принятия резолюции о мире, от начала и до конца работы съезда сохранялось устойчивое соотношение между двумя политическими группами».

⁴¹⁷ Ранее, на заседании секции делегаты заслушали доклад о состоянии народного образования и постановили создать «единую социалистическую школу-десятилетку». В постановлении указывалось, что «программа обучения должна охватить всю совокупность общих знаний, а также и практические общественно-творческие навыки, необходимые для всякого трудящегося социалистического общества». Этим работа съезда в области «советского строительства» и ограничилась.

Новочеркасск захвачен восставшими казаками Заплавской, Бессергеновской и Раздорской станиц. Предводитель восставших, М.А. Фетисов прислал на имя председателя съезда телефонограмму. Он требовал немедленного освобождения М.П. Богаевского и грозил в противном случае расстрелять 1000 захваченных якобы красногвардейцев и советских работников. Более того, конный отряд повстанцев продвинулся к югу и подходил к окраинам Ростова.

Съезд постановил послать Фетисову предложение «подчиниться Советской власти». Одновременно делегаты одобрили директиву, в которой советским отрядам предписывалось немедленно выдвинуться к Новочеркаску и ликвидировать мятеж.

Обстановка в целом оставалась неясной, а перспектива уличных боёв – более, чем вероятной. Предугадать, как повели себя в этом случае делегаты, и какое решение они бы приняли, было невозможно. Советское руководство посчитало за благо заседания прекратить. Выступая перед делегатами на закрытии съезда, В.С. Ковалёв призвал делегатов «не слагать оружия до тех пор, пока борьба не решится в пользу революции». Выводы из происшедшего каждый в скором времени делал уже самостоятельно⁴¹⁸.

В этот же день на своём заседании ЦИК образовал Совет Народных Комиссаров Донской Республики. Председателем СНК был переизбран Ф.Г. Подтёлков. Он же являлся комиссаром по военным делам. Вновь избраны были Кружилин – комиссар продовольствия, Траплин – комиссар по земельным делам, Богуславский – комиссар труда, П.В. Алаев – комиссар просвещения, Дерюгин – комиссар юстиции, В.М. Бажанов – председатель совета народного хозяйства, призрения, Е.А. Болотин – комиссар финансов, И.А. Ермилов – комиссар по делам управления, И.А. Лагутин – комиссар почты и телеграфа, Изварин – комиссар по делам контроля. Председателем Донской чрезвычайной комиссии был назначен С.С. Турло.

Противостояние большевиков и левых эсеров с закрытием

⁴¹⁸ «На этом, – пишет И.П. Борисенко, – была закончена работа этого бурного съезда, отразившего всю тяжесть условий, в которых начиналось советское строительство на Дону».

Съезда лишь обострилось. Поэтому ЦИК с почти равным представительством в нём тех и других едва ли не изначально был недееспособен. «Первый и последний Донской ЦИК представлял из себя довольно разношерстный по политическому составу орган, – пишет И.П. Борисенко, – мало способный осуществлять пролетарское руководство в тех сложных условиях⁴¹⁹. Достаточно сказать, что в его составе был ряд членов, которые мало чем отличались от... казака Родина. Фактически главной властью были чрезвычайный штаб, скоро выделенный, и Ростово-Нахичеванский Совет Рабочих Депутатов, представлявший цитадель Донской революции, тем паче, что собственно руководство областного масштаба почти не осуществлялось».

Упомянутый «Чрезвычайный штаб» был вновь создан 2(16) апреля. Тут же ЦИК передал ему соответствующие полномочия⁴²⁰.

⁴¹⁹ Об этом же свидетельствовал А.А. Френкель. «Съезд Советов, – вспоминал он, – начался и происходил при чудовищных прямо условиях. По некоторым улицам Ростова шла перестрелка: разоружали некоторые не унимавшиеся партизанские отряды, превратившиеся в анархические банды и каждый день грозившие Военно-Революционному Комитету его свергнуть. В Новочеркасске и Черкасских станицах поднялся контрреволюционный бунт. Мятежники, заняв Новочеркасск, двинулись к Ростову и, подойдя к нему, вступили уже в Нахичевань. Съезду пришлось прервать свои заседания. Подтёлков и Кривошлыков, собрав наскоро надёжные отряды, повели их против белогвардейцев. Отчаянным натиском белые были отброшены и далеко прогнаны; Новочеркасск снова заняли советские войска.

Понятно, что в такой атмосфере съезд скомкал свою работу и спешил окончить свои заседания. Наспех был избран Донской Центральный Исполнительный Комитет, который оказался совершенно неспособным к руководству начинавшейся отчаянной борьбой. Большинство его при первых ударах контрреволюции разъехалось по домам...»

⁴²⁰ ЦИКом совместно с Чрезвычайным штабом были отданы следующие приказы:

«Приказ № 1.

Принимая во внимание поднявшееся контрреволюционное движение на Дону и участвовавшие случаи грабежей, насилий и самоуправств отдельных групп, гг. Ростов и Нахичевань Чрезвычайный революционный штаб объявляет с 16 апреля на военном положении. Вокзалы Ростов и Нахичевань – на особом военном положении.

Приказ № 2.

Ввиду того, что гг. Ростов и Нахичевань объявлены на военном положении, предлагается всем воинским частям, находящимся в Ростовском округе,

немедленно зарегистрироваться в Чрезвычайном штабе.

Неисполнившие настоящий приказ подлежат разоружению.

Приказ № 3.

Всем войсковым частям Ростовского округа.

Чрезвычайный штаб приказывает: ввиду объявления гг. Ростова и Нахичевани на военном положении, всем товарищам воинских частей быть в своих помещениях в полной боевой готовности.

Приказ № 4.

Председателю военного отдела Ростовского исполнительного комитета т. Зявкину.

Чрезвычайный штаб предлагает Вам немедленно собрать все боевые дружины и отряды Красной Армии Ростовского округа, разместить по казармам и привести в полную готовность.

Об исполнении донести [в] Чрезвычайный штаб.

Приказ № 5.

По городу распространяются слухи о близости корниловских и немецких банд.

Чрезвычайный революционный штаб, образованный Центральным исполнительным комитетом Советов Донской республики, доводит до сведения населения, что под Екатеринодаром Корнилов разбит. Против немецких белогвардейцев и контрреволюционеров Донской Советской республикой организуются все силы трудового народа. А потому не может быть никакой и мысли об эвакуации из Ростова. Лица, виновные в распространении подобных провокационных слухов, будут караться беспощадным военно-революционным судом.

Приказ № 6.

Чрезвычайный штаб предлагает всем комиссариатам, выделенным из Областного военно-революционного комитета, продолжать текущую работу впредь до выделения таковых из Центрального исполнительного комитета.

Приказ № 7.

Центрального исполнительного комитета Донской Советской республики.

Принимая во внимание, что контрреволюция всё больше поднимает голову и тем самым не даёт возможности Комитету взяться за мирную работу, решено передать всю полноту власти в Донской Советской республике Чрезвычайному штабу в составе: Ковалёв, Подтёлков, Сырцов, Кривошлыков, Орджоникидзе, Степанов, Дорошев, коему и поручено в кратчайший срок подавить контрреволюционное движение для восстановления революционного порядка и укрепления Советской власти.

Приказ № 8.

Все воинские части гг. Ростова и Нахичевани и всей Донской области находятся в распоряжении Чрезвычайного штаба Центрального исполнительного комитета Советов Донской республики.

Штаб «пяти» охраны и обороны города, выделенный местным исполнительным комитетом, упраздняется.

Чрезвычайный штаб: В. Ковалёв,
Подтёлков, М. Кривошлыков, Дорошев»

Исполнительная власть сосредотачивалась в руках узкой группы лиц, Подтёлкова лично, а, следовательно, и левых эсеров. Более того, в ближайшие после закрытия съезда дни многие большевики заявили о том, что присоединяются к «декларации Сырцова», считают возможность передышки иллюзией, а Брестские договорённости – ошибкой. Многие из них занимали высокие посты в выборных советских органах и вели себя так, словно Брестский мир был не поддержан, а отвергнут съездом.

Дело дошло до того, что 11(25) апреля передовица «Донских известий», официальном органе ЦИК, заявляла следующее: «...страусовая политика всегда давала в конечном итоге чреватые результаты. В нынешний момент, момент критической агонии революции, методы витиеватой страусовой политики совершенно недопустимы... Перед непосредственной опасностью, которая грозит смести всё и вся, преступно говорить о «передышке». Усталость, утомлённость отсталой огромной земледельческой России сделала уже своё дело, заставив пролетарскую линию поведения производить весьма рискованные изгибы. В момент смертельной опасности рабочий класс и все идущие с ним должны выпрямить пролетарский культ русской революции... надо пробудить «святую» тревогу у революционного Дона, заставить его содрогнуться и действительно напрячь свои революционные силы для отстранения наступающей реакции...»

Через всю первую страницу сверху протянулся лозунг: «Организуем немедленно боевые отряды Красной социалистической партизанской армии. Создавайте повстанческие комитеты». Тут же была опубликована «Краткая инструкция местным повстанческим комитетам» от неизвестно как оформившегося Центрального Партизанского Комитета. В инструкции указания по методам ведения партизанской войны были прописаны вплоть до деталей. И в дополнение ко всему на третьей странице приводился отчёт о весьма воинственной речи Б.Д. Камкова на Всероссийском съезде левых эсеров⁴²¹.

⁴²¹ «В рядах пролетариата, – говорил на съезде Камков, – началась дезор-

Справедливости ради, следует заметить, что призыв «К оружию!» использовался к этому времени едва ли не каждым печатным органом. Но дело не ограничивалось лозунгами и призывами. Советское правительство, как до съезда, так и после его завершения, предпринимало попытки создать собственные вооружённые силы.

И вдохновителем этих усилий был Подтёлков. Когда сначала Сырцов пытался его переубедить, Подтёлков резко возразил. И, в конце концов, сам склонил Сырцова на свою сторону. «...В те страдные дни, – писал А.А. Френкель о Подтёлкове с Кривошлыковым, – их порядком запутали Камковы, Карелины, Мстиславские, Штернберги и все прочие левоэсеровские вьюны, прискакавшие на Донской Съезд Советов поудить рыбы в мутной водичке; этому значительно способствовало и то злосчастное обстоятельство, что лучшие, наиболее преданные коммунисты Дона, втянувшись и увлекшись пылом непосредственной борьбы, оторванные от центра, не зная ясно хода и темпа мировых событий, были в те тяжёлые дни Брест-Литовских переговоров «левыми» бухаринцами, были резко против мира».

Но дело тут не в партийной принадлежности. Подтёлков плохо разбирался в тонкостях марксизма, однако ясно понимал: переговоры, ведущиеся без наличия за спиной адекватной силы, заведомо обречены на провал. И, куда раньше многих других осознал, что зреет и уже нависает над Советским Доном страшная угроза. И это не немцы.

Ещё 21 марта (3 апреля), задолго до выхода германских войск к границам Области, Чрезвычайный Штаб Обороны объявил мобилизацию и выслал в округа следующий приказ:

«Ввиду вторжения гайдамацко-немецких банд в пределы Донской Республики, Центральный Исполнительный Комитет объявляет мобилизацию 1914, 15, 16, и 17 гг. переписи казаков и крестьян тех же годов призыва.

организация. Отсюда глубокий маразм в самой Советской власти... Наша задача, как партии, предупредить этот процесс разложения Советов, совершив перегруппировку сил на местах привлечением крестьянства, действительно политического фактора...»

Призыв 1918 г. требуется для обучения строевому делу.

О времени явки призываемых на сборные пункты и о дальнейшем порядке мобилизации будет оповещено дополнительно.

За пред. ЦИК М. Ермилов»

«Этот приказ, – пишет И.П. Борисенко, – остался на бумаге, как исторический документ, свидетельствующий о серьёзных намерениях драться с немцами верховного органа Дона⁴²², *разбившихся о действительность*. Мобилизация конечно не прошла...»

О масштабах приготовлений свидетельствует Д.И. Рябышев. «С целью защиты советского Дона от контрреволюции, – пишет он, – Подтёлков обратился к правительству РСФСР с просьбой разрешить сформировать красные казачьи части в количестве 30 тысяч человек и выделить необходимые для этого вооружение, боеприпасы, снаряжение, обмундирование, продовольствие. Реввоенсовет Республики удовлетворил эту просьбу; он приказал командующему войсками Московского военного округа Н.И. Муралову отправить на Дон 30 тысяч винтовок, 36 артиллерийских орудий, упряжь, 3 тысячи сёдел, сапёрные лопаты, 30 тысяч комплектов обмундирования с сапогами, а также консервы, сахар. Были выделены и денежные средства.

...Из хопёрских, усть-медведицких казаков, крестьян предполагалось сформировать армию. Но вооружение и обмундирование поступили из Подмосковья уже после гибели экспедиции Подтёлкова. Эшелоны с оружием, боеприпасами, обмундированием были отправлены в Царицын и впоследствии поступили для снаряжения частей 9-й и 10-й армий».

В округа был разослан циркуляр, ориентирующий местные Советы на проведение мобилизационных мероприятий. Но даже если таковые и производились, то, в конечном итоге,

⁴²² Об этом же свидетельствует и А.А. Френкель. «Донской ЦИК, – вспоминает он, – не мог не видеть непрочности и шаткости Советской власти на Дону, не мог не сознавать всей опасности надвигающихся роковых событий. И, несмотря на слабость и болезненное бессилие революционных сил, он всё-таки помышлял о сопротивлении наступающей контрреволюции».

приводили к печальным последствиям. Казаки записывались и распределялись по взводам и сотням. За ними закреплялось оружие. Многие думали, что действительно будут оборонять Область от германского нашествия. Но преобладающее настроение было уже не в пользу новых властей. И когда пришло время выступать, казачьи отряды, в большинстве случаев, воевали не с немцами и не за Советы⁴²³.

2(16) апреля только лишь созданный Чрезвычайный штаб ввёл в Ростове и Нахичевани военное положение. Призывы к населению «взяться за оружие», раздавались до последних дней. Но всё было тщетно. Оружия хватало, не было людей.

Последней отчаянной попыткой переломить ситуацию явилась отправка мобилизационного отряда в северные округа. Попыткой, которая Подтёлкову и большинству его спутников стоила жизни.

8.8. ТАГАНРОГСКОЕ СОВЕЩАНИЕ УКРАИНСКИХ БОЛЬШЕВИКОВ. ПАДЕНИЕ ДОНЕЦКО-КРИВОРОЖСКОЙ РЕСПУБЛИКИ. ЧЕРТКОВО

«8/IV⁴²⁴, – пишет Е. Бош, – наши войска оставили Харьков, отступив на Змиев и Чугуев. Не получая от главного штаба никаких директив и даже не зная, где он находится, мы при-

⁴²³ «...в ряде мест, – вспоминает И.П. Борисенко, – население стихийно организовывалось... В станицах проходили собрания, в округах проводились съезды, везде избирались советы обороны, куда залезали агенты белого движения и представители мелкобуржуазных партий... И мы должны констатировать, что этим движением в ряде мест к сожалению больше стали руководить донские казачьи верхи и кулачество. «Штабы обороны» производили мобилизацию казачества. Нашествие немцев, всё отправляющих себе в Германию, стояло перед населением Дона, как большая угроза хозяйству Края. Вполне понятно, что определённая часть казачества и крестьянства шла в отряды, организуемые Советами Обороны. В это же время врагами хитро плелась сеть интриг против Советской власти.

...и штабы обороны, где сидело офицерство, стремились направить свои казачьи отряды в первую очередь против большевистских войск, против «красных банд», которые изображались более опасным врагом, чем немцы».

⁴²⁴ Германские войска заняли Харьков 20 марта (9 апреля) 1918 г.